

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ДИББУК

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Источники к курсу медленного чтения
Александры Полян и Марии Каспиной
Часть 1

Москва
ноябрь 2019 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

И.Л. Перец «Мониш» 1888
(подстрочник А. Полян)

Вы наверняка знаете:

Мир – это море,
Мы – рыбы
(некоторые – щуки,
Горазды глотать...
Что, разве не так?)

Мир – это море
Безбрежное,
Рыбы – это мы,
А рыбак – Самех-Мэм.

*) Самех-Мэм – сокращение от «Самаэль»,
черт из ада.

2.
На горе Арарат,
На высокой горе,
Что несет вечный
Снег на затылке,

На горе Арарат,
Как написано, –
С ковчегом
Остановился Ной.

<...>

Все уже умерли...
Много лет назад!
Но ковчег все стоит
До сих пор, на память,

Там под снегом!
И на стене висит
До сих пор цоґар –
Огромный бриллиант.

איר ווייסט – מן הסתם -
די וועלט איז אַ ים,
מ י ר זענען פֿיש!
(טייל זענען העכט,
שלינגען ניש' שלעכט...
זאַגט, אַפֿשר ניש'?)

די וועלט איז אַ ים,
ברייט אָן אַ שיער;
די פֿיש זענען מיר,
דער פֿישער איז ס"ם*.

(* ס"ם: ראשי תיבות פֿון סמאל,
דעם שד אין גיהנום.

ב.
אויפֿן באַרג א ר ר ט
אויפֿן הויכן באַרג,
וואָס טראָגט דעם אייביקן
שניי אויפֿן קאַרק,

אויפֿן באַרג א ר ר ט –
לויט עס איז באַשריבן –
איז מיט דער תיבה
נח שטיין געבליבן.

<...>

געשטאַרבן שוין אַלע...
אַ פעקל מיט יאָרן!
עס שטייט דאָך די תיבה
ביז היינט לזכרון

דאָרט אונטער די שנייען!
און ס'הענגט אויף דער וואַנט
עד היום דער צהר,
דער גרויסער בריליאַנט.

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

И там, в ковчеге,
В снегах и морозах
Самаэль
Свил себе гнездо.

און דאָרט, אין דער תיבה,
אין שנייען און פֿרעסט,
דאָרט האָט זיך ס מ א ל
געפֿלאַכטן אַ נעסט.

А перед цофаром
Каждое утро
Лилит причесывает
Золотые локоны.

און קעגן דעם צהר
קעמט אַל' אין דער פֿרי
לילית די גאַלדענע
לאַקן זיך צו.

Она причесывает их и завивает
И кокетливо заплетает,
А Самаэль лежит и курит,
И курит в постели;

זי קעמט זיי און קרייזלט,
און פֿלעכט זיי קאָקעט,
און ס מ א ל ליגט זיך און רויכערט
און רויכערט אין בעט;

Они доверительно говорят
О том – о сем:
Кого отправить
В ад;

זיי שמועסן פֿאַרטרויט
פֿון דעם און פֿון יענעם,
וועמען צו פֿאַקן
אַרײַן אין גיהנום;

Кого отхлестать
Железными прутьями,
Кого зажарить
На завтрак в масле!

וועמען צו שמייסן
מיט אייזערנע ריטער,
וועמען צו פרעגעלען
צום פֿרישטיק אויף פוטער!

Одним прекрасным утром –
Трезвон,
Сотрясается ковчек,
Содрогается гора,

אין אַ שיינעם מאָרגן
קלינגלט עס שטאַרק,
עס ציטערט די תיבה,
עס צאַפֿלט דער באָרג,

Самаэль чуть не выпрыгивает
Из постели.
«Входите!» – появляется
Перепуганный черт.

עס שפּרינגט שיער סמאל
אַרויס פֿונעם בעט,
"אַרײַן!" – עס באַווייזט זיך
דערשראָקן אַ שד.

Он принес
Срочный «рапорт»,
Он чуть не рыдает,
Еле говорит:

מיטגעבראַכט האָט ער
אַן עקסטראַ-"ראַפּאָרט",
קוים וואָס ער שלוקערצט
אַ וואָרט נאָך אַ וואָרט; -

– Ах, великий царь!
Дрожит твой трон...
– Что случилось?
Быстрее, барон!

– В царстве Польском,
Прямо у границы,
Лежит
Крохотное местечко

<...>

Теперь там вырастет мудрец,
Который заткнет за пояс
Всю Польшу и Литву,
И Жемайтию, и Чехию.

Если ты дашь ему вырасти
И не поймашь его,
То твое, страшно сказать,
Царство закончится!

Ты потеряешь
Всю Польшу и Литву...
И – страшно сказать –
Конец придет всем нечистым;

Он будет нас гнать
Со страшной ненавистью
И приведет Мессию –
О ужас!

<...>

Только немец привез с собой
Свою единственную дочь, красавицу:
Золотые локоны до пят!
Глаза сияют, как звезды,
А голос – одно удовольствие слушать!
Голос сладкий, как сахар!

– אָךְ, גרויסער מלך!
עס ציטערט דיין טראָן..."
– וואָס איז געשען?
געשווינד, הער באַראָן!

– אין קעניגרייך פּוילן
האַרט ביי דער גרענעץ,
ליגט זיך אַ שטעטעלע
גרויס, ווי אַ גענעץ

<...>

"צינד וואַקסט נאָך אַ גאון!
וואָס וועט נאָר פאַרשעמען
גאַנץ פּוילן און ליטא,
און זאַמוט און בעמען.

און לאַזסט דו אים וואַקסן,
און לאַזסט דו אים פֿרײַ,
ביסט דו – חלילה! –
הוד מלכות, פֿאַרביי!

האַסט דו פֿאַרלוירן
גאַנץ פּוילן און ליטא...
איז – חס ושלום! –
אָן עק פֿון נישט גוטע;

וועט ער אונדז יאָגן
מיט שרעקלעכן האָס,
און ברענגען משיחן –
חלילה וחס!"

<...>

נאָר דער דײַטש האָט מיטגעבראַכט
אַ בת יחידעלע אַ פּראַכט:
גאַלדנע לאַקן ביז די פֿיס!
אויגן בלישטשען, ווי די שטערן,
און אַ קול - אַ פֿרייד צו הערן!
און אַ שטימע – צוקערזיס!

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Она не ходит, а прыгает,
Не говорит, а поет,
Радостная, веселая день и ночь!
А стоит Мари заговорить –
Весь дом ей отвечает;
Если она засмеется – лопается от смеха!

Ха! Ха! – Звенит, как колокольчик,
Каждый камешек, каждый гвоздь,
Стены и крыша! Весь дом целиком!
Сапожник откладывает шило,
А шут хватает свою кралю – и в пляс!

Шамес – пессимист,
И – честное слово – не зря
Сидел со змеей!
Засмеется Мари – и он в ответ,
Хохочет от всего сердца, здорово, добро,
«Голос женщины?!» - О, забыл!

<...>

С неба раздался гром,
Из глубокого ада

Смех, шум.
Пахнуло серой –
И он уже летит «под конвоем»
На метле в вышине.

На горе Арарат
Оживление, суета.
Там, в ковчеге, бал,
И какой страшный и дикий!

И капеллы (потусторонние
Цыгане) играют,
Шампанское – рекой,
Черти пляшут канкан.

און זי גייט נישט, נאָר זי שפּרינגט,
און זי רעדט נישט, נאָר זי זינגט,
פּריילעך, לוסטיק טאָג און נאַכט!
און לאָזט אַרויס איר קול מאַריע,
העלפּט דאָס גאַנצע הויז איר צו,
קנאַקט פֿאַר לאַכן, ווען זי לאַכט!

כאַ! כאַ! קלינגט עס, ווי אַ גלאַק!
יעדעס שטיינדל, יעדער טשוואַק,
וואַנט און דאָך! דאָס הויז אינגאַנצן!
עס לייגלט די אַל אַוועק דער שוסטער,
און דער מאַרשאַלעק דער וויסטער
כאַפּט זיין גרונע טאַנצן!

דער שמש איז אַ פעסימיסט,
און - אַך לעבן - נישט אומזיסט,
מיט אַ שלאַנג איז ער געזעסן!
און לאַכט מאַריע, נו, לאַכט ער מיט,
און לאַכט פֿון האַרץ, געזונט און גוט,
"קול באישה?" - גאָר פֿאַרגעסן!

<...>

פֿונעם הימל קנאַלט אַ דונער;
פֿון גיהנום פֿונעם טיפֿן

אַ געלכעטער, אַ גערודער.
און פֿון שוועבל יאָגט אַ ריח
און ער פֿליט שוין "פֿאָד קאַנוואַיעם"
אויף אַ בעזעם אין דער הייד.

אויפֿן באַרג אררט דאָרטן
איז אַ לעבן, אַ געפילדער,
ס'איז אַ באַל דאָרט אין דער תּיבה,
און אַ שרעקלעכער, אַ ווילדער!

און קאַפעלען (יענע וועלטיקע
ציגינער) מוזיצירן,
און שאַמפּאַניער - ווי וואַסער,
און די רוחות קאַנקאַנירן!

Лампы – тысяча бочек смолы,
Грешники – фитили в них,
И особый чертик расхаживает с шипцами,
Снимает нагар!

לאָמפן – טויזנט פֿעסער סמאָלע
די רשעים זענען קנױטן;
ס'גײט אַרום אַן עקסטראַ שדל
מיט אַ שערל צו די צױטן!

А королева – Лилит!
В огнях у нее молнии,
А Самаэль несет ее длинный
Шлейф с брабантскими кружевами.

און די קעניגין איז לילית!
אין די אויגן האָט זי בליצן;
און ס'מ'א ל טראָגט איר לאַנגע
שלעפּ מיט בראַבאַנדער שפּיצן.

За понюшку табаку (пер. Р. Рубиной)

Нечистый сидел, заложив ногу на ногу, и, позевывая, с самодовольной сытой улыбкой, перелистывал от нечего делать книгу живых душ... Вдруг он захлопал в ладоши – у холмского раввина ни одного греха на счету, чистая страница.

На зов нечистого мигом сбежались адовы прислужники и в ожидании приказаний остановились в дверях, высунув языки, как собаки.

– Пошлите кого-нибудь наверх, – приказал нечистый, – пусть узнают, долго ли еще жить холмскому раввину!

Прислужники исчезли так же бесшумно, как появились. Не прошло и четверти часа, как поступает донесение: «Были в комнате жизни; нить холмского раввина уже трудно разглядеть – вот-вот он будет призван!»

– Писаря сюда!

Приплясывая на своих куриных лапках, появляется писарь, лысый, с красными веселыми глазами. Поклон сюда, кивок туда, усаживается по-турецки на вспыхивающий черным пламенем смоляной пол. Из одного кармана достает новенькое, только что из крыла, воронье перо, из другого – чернильницу с кровью прелюбодея; тут же разворачивает свиток из свежeweделанной кожи вольнодумца, плюет себе на ладонь и бросает верноподданнейший взгляд на своего господина: готово!

Нечистый наклоняется к нему и диктует. Писарь, высунув язык, чертит завитушку за завитушкой, перо скрипит, и вот уже в небесное судилище мчится донесение следующего содержания:

«Так как в писании сказано: „Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы...“ А в Холме есть раввин, одной ногой стоящий в могиле, а на счету его ни единого греха... И если хотят, чтобы „Моисей остался правым и учение его истинным“, пусть холмского передадут в руки Асмодея»

ДЕМОНЫ И ПРИЗРАКИ В ИДИШСКОЙ КЛАССИКЕ

Из небесного судилища после краткого совещания приходит ответ: «Смотри „Иова“, глава первая».

Нечистому понять намек недолго: делай, значит, с ним что хочешь, «только жизнь его сбереги», пусть живет, сколько положено.

Задача, однако, не из легких...

Жены у холмского раввина нет, много лет уже вдовствует, не про вас будь сказано, дети все поженились. «Не должны быть умерщвляемы отцы за детей, и дети не должны быть умерщвляемы за отцов, но каждый за свое преступление должен умереть». Иезекииль так сказал – значит, закон! Тучные стада? Да хоть бы обыкновенная коза была... Кожа у холмского раввина, не в пример Иову, и так нечистая, все время чешется, бедняга... И вообще, попробуй одолеть холмского раввина испытаниями!

«Хоть бы какая страстишка!» – облизываясь, думает нечистый, протягивает руку к столу и только касается звонка, сделанного из черепа умника, – полный дом прислужников.

– Кого бы нам послать, кто возьмется сбить холмского раввина с пути истинного?

– Я! Я! Я! – кричат черти наперебой.

Это дело привлекает каждого, все знают, что на такой работе растут как на дрожжах. Шум, гам, недалеко и до драки. Тогда решили: бросить жребий.

Двум чертенятам, которые вытянули жребий, пожелали удачи, и они скрылись...

Однажды в погожий летний день на холмском базаре в поисках заработка вертелись евреи. Собирались группами, толковали о лесах и полях помещика, о шкурках, в которых пока щеголяют зайцы, о мужичьих «гарнцах», о яйцах, еще не снесенных, и вдруг под ними задрожала земля. Стук, треск, тарыхтят колеса. Молнией мчится бричка, никому не знакомая, взмыленные кони – точно львы. Бричка пронесится через базар, и люди едва успевают отскочить в сторону. На облучке стоит, откинувшись назад, без кнута, возница в ушанке, подпоясанный красным кушаком. Намотанные на руки вожжи он натягивает так, что лошади, задрав головы, становятся на дыбы. За спиной возницы стоит одетый в строченый кафтан еврей – в старину дело было. Зажатый в правой руке кнутом он стегает лошадей, и они снова мчатся, летят как орлы; левой рукой он бьет возницу по спине, время от времени издавая пронзительный свист. Лошади из кожи лезут вон, вытягиваются в галопе, как бешеные.

Возница кричит не переставая: «Люди, помогите, милосердные! Помогите!»

Попробуй помоги! Снопы искр летят из-под подков!

Люди бегут за бричкой, в ужасе шепчут: «Храни нас бог! Пройди стороной, беда!» Из лавок выскакивают женщины и кричат: «Спасите!»

Но вот бричка подлетела к бойне, и собаки запрыгали перед мордами лошадей. Выскочили из бойни мясники, схватили лошадей под уздцы. Остановились лошади, кожа на них дрожит, а мясники уже взобрались на бричку!

Что тут произошло? Оказывается, небольшая ссора. Тот, что одет хозяином, подпоясанный кожаным поясом с карманом для денег, кричит, что возница спятил, задумал вдруг пасти лошадей, а ему непременно нужно поспеть с бриллиантами на ярмарку. Его слова внушают толпе уважение. Возница, однако же, уверяет, что вовсе не он возница, а тот... Но что же случилось? Едут они издалека, и впереди еще путь велик. И вот, когда они ночью ехали лесом, возница на него набросился, приставил нож к горлу, принудил переодеться и присвоил его деньги, бриллианты, брочку, лошадей, все его состояние. Поэтому, когда они приблизились к еврейской общине, он закричал... Тот же, одетый хозяином, отрицает все, от начала до конца: «Навет, небылица...» Мясники отгоняют собак и гонят лошадей к равнине.

Начинается следствие; раввин выслушивает каждого в отдельности. Первым впускают к нему истца, того, кто одет возницей. Слушает его раввин и думает: лицо – грубее не сыщешь, и по разговору настоящий извозчик. А голос... В хедере такого не слышать... Лесом пахнет, полевым простором, лошадьми...

Однако допрос продолжается:

– Сколько товару у вас в брочке?

– Не знаю. Не считал. Невежда я, ребе. Господь помог, вот я и торгую бриллиантами!

– А сколько денег было у вас за поясом?

– Я и денег не считаю. Полагаюсь на божью милость.

Казалось бы, ясно: он возница! Раввин вздыхает и впускает ответчика. И опять ясно – ученый муж. По лицу видно. Раввин испытывает его, углубляется в премудрости талмуда, а тот вдруг перебивает: «Ребе, к чему долгие разговоры, смотрите!» И посыпались из кошелька золотые, червонным пламенем растеклись по столу. «И бриллиантов отдам половину. Скажите только, что они мои!»

Раввин как крикнет:

– Злодей!

Вбегают люди, трут себе глаза: где истец, где ответчик? Исчезли. Ни брочки, ни лошадей. Будто земля их проглотила!

И думает Холм: сон это или колдовство, не приведи господь?

Тем временем нечистый, выслушав донесение, говорит:

– Олухи, от взятки холмский, возможно, и не отказался бы, будь он уверен, что это никогда не откроется. Здесь же рано или поздно истина всплыла бы, как масло на воде. А он бы и место потерял, и в тюрьму угодил! Дурак он, что ли?

Глупых чертей на целый год посадили на смолу и угли. Опять совещание, но теперь уже не кричали: «Я! Я!» Задачу взяли на себя двое из наиболее опытных: один редкого ума черт, другой выдавший виды старец...

Грозные дни. Холодный дождливый день. Холм утопает в грязи; хмурое небо над ним истекает тоской. Откуда-то появляется нищий, кожа да кости, изможденный, на костылях, одна нога подогнута. Стучится во все двери, плетется из дома в дом, из лавки в лавку. Один из десяти подает хлебную корку, которая нищему не по зубам, один из двадцати – стертый грош, выскальзывающий из его окоченевших рук. Холм не нуждается в чужих нищих, там достаточно своих, весьма почтенных, не явных бедняков – жен и детей умерших резников, дайенов, раввинов и других духовных лиц...

Плетется нищий день, плетется два. С ваты, выбившейся из его намокшего кафтана, стекают капли; тело пронизывают холод и сырость, глаза вылезают из орбит, нищий валится с ног прямо на базарной площади! Один костыль – вправо, второй – влево, а сам лежит посредине с пеной на губах.

Нищего тотчас же окружают люди. Кто sprыскивает лицо водой, кто разжимает ножом губы, чтобы влить в рот капельку вина. «Не Холм, а Содом!» – кричат некоторые. Тем временем у нищего начинается агония.

Нельзя же допустить, чтобы человек умер на улице, но где его положить? Хозяева побогаче потихоньку удаляются, у прочих места нет. Случайно оказавшийся здесь раввин говорит: «Ко мне несите его! Конечно же ко мне!»

Никогда еще раввина не слушались так молниеносно...

Умиряющего укладывают в постель раввина, и он лежит словно в забытии. Раввин сидит у стола за священной книгой, то и дело поглядывая на гостя. За окном снуют люди, чтобы в случае чего быть наготове... Темнеет. Раввин собирается приступить к вечерней молитве, вдруг слышит – больной зовет. Раввин подходит, с жалостью склоняется над постелью, готовый выслушать последнее желание умирающего.

– Ребе, – с трудом произносит больной, – я великий грешник. Страшно умереть без покаяния. Выслушайте меня...

Раввин хочет позвать людей, но больной хватает его за руку: боже сохрани, только с глазу на глаз...

И вот что он рассказал о себе: всю жизнь побирался, а нищим не был. Выпрашивал на хлеб для жены и детей, клянчил на свадебные расходы для дочерей, а всегда был одинок, как придорожный камень – ни жены, ни детей... Собирал деньги на ешибот, но ни один ученый муж не вкусил от этих подаваний; на Палестину – ни гроша не отправил; на надгробие реб Шимону бар Иохай – себе за пазуху запрятал; торговал священным прахом, а это был песок из-под забора и тому подобное...

– Вот сколько я скопил, – говорит нищий, доставая из-за пазухи кошелек.

Открывает его – сплошь банкноты, и какие – сотенные, один в один!

– Берите их, ребе, как плату за услуги и на благотворительность по вашему усмотрению.

А холмский раввин как вскочит, как распахнет окно да закричит, точно помолодел лет на пятьдесят: «Евреи, заходите считать деньги для бедных!»

Толпа вбегает – ни умирающего, ни банкнот, – только раскиданная постель и два выбитых стекла в окне...

Снова задумался Холм: сон это или колдовство, не приведи господь?

Нечистый стоит разинув рот.

– На этот раз уж никак не могло обнаружиться...

В преисподней тревога.

– Поручите его мне, – сказала Лилит. – У меня средства испытанные!

Однажды холмский раввин почувствовал недомогание и послал служку за фельдшером, чтобы пустил ему кровь. Солнце уже садилось, и раввин решил до прихода фельдшера прочитать предвечернюю молитву. Стоит он лицом к стене и читает шмойноэсрэ, как вдруг отворяется дверь и входит девушка, в руках у нее курица. Что ж, раввин молится – можно и подождать. Девушка вертится по комнате, ходит взад-вперед, раввин и не оглядывается. Будто забывшись, она начинает что-то напевать. А голосок у нее, поверите ли, пленительный!.. Но так и станет холмский раввин ее слушать! Притворившись, что устала, она берет табурет, садится и раскачивается на нем. Табурет, конечно, скрипит... Пустяки, если бы змея ему грозила своим жалом, холмский меламед и то не тронулся бы с места! Девицу это злит, и она начинает стремительно кружить по комнате. Тем временем раввин кончает шмойноэсре, еще немного читает и сплевывает. Завершив молитву, садится за стол и спокойно говорит: «Покажи-ка свою курицу!» Девица сует ему курицу прямо в руки, а он опять спокойно: «Клади на стол! Еврейская девушка, – замечает он мягко, – должна знать, что подавать мужчине прямо в руки не положено». Девица кладет птицу на стол – курочка неказистая! «Рассказывай!» – говорит раввин. И девушка начинает подробно рассказывать, как она купила у бабы курицу, как принесла ее домой, как курица удрала, как она курицу поймала... Девушка смеется, скалит зубки, а зубки у нее что свет дневной, такие белые, и голосок звенит на всю комнату. Рассказывая и смеясь, бегаёт она вокруг стола. Руки обнаженные, рукава высоко засучены, кофточка на груди расстегнута, и тело – она его чем-то смазала – пахнет всевозможными благовониями. И уж так она старается: то стола коснется, то стула, а то и руки раввина... Он разглядывает курицу, а девушка становится сзади, смотрит ему через плечо и подбородком касается его головы. Ее дыхание греет раввина сквозь ермолку, проникает за ворот кафтана – все напрасно! Раввин выслушивает ее, последний раз осматривает курицу и говорит: «Кошерная! А ты, девушка, – добавляет он, – постарайся выйти замуж поскорей!!!»

Девица вместе со своей курицей вылетает в окно...

Раввин улыбается. Понял что к чему. Вот так-то!..

А в аду снова совещаются. Кто скажет так, кто этак. Тут один совсем молодой чертенюк, в учении еще, – ни пера на голове, ни ожерелья из зубов на шее, – спрашивает:

– Неужели у холмского раввина никаких страстишек нет?

– Никаких.

– Так-таки ничего не любит?

– Разве лишь попотеть в бане накануне субботы...

Пауза... «А нет ли у него какой-нибудь привычки, скажем, обыкновения катать хлебные шарики за столом?» – снова спрашивает чертенюк.

– Не приходилось видеть его за едой! Но... навряд ли.

Тут Лилит вспоминает, что, почуяв ее благовония, холмский понюхал табак.

– Довольно! – говорит чертенюк и, получив разрешение, скрывается.

У холмского раввина было издавна заведено: в канун субботы после бани он отправлялся в поле – дорожку облюбовал между рожью и пшеницей – и читал наизусть «Песнь песней». Так как он был человеком рассеянным, то для того, чтоб не забраться слишком далеко, он раз навсегда отмерил дорогу шагами и еще знак себе отметил – дерево. Красотой дерево его не привлекало, хотя оно было увешано плодами – кораллами... Только знаком оно ему служило... Прочитает первую половину «Песни песней» и как раз до дерева доберется. Там присядет, возьмет понюшку табаку из лубяной табакерки, отдохнет немного, а на обратном пути прочитает вторую половину «Песни песней». И всегда успевал вернуться на склоне дня, до наступления субботы.

Однажды, не успел еще показаться раввин на дороге, появляется немец в шляпе, в штанах в зеленую полоску, вырывает дерево и переносит его подальше. Потом садится под ним и сидит – плюгавенький такой немчишко, его и не видно.

Тем временем подходит раввин. Половину «Песни песней» он прочитал, а до деревца, видит, еще далеко. Раввин огорчен: видно, недостаточно души вложил в чтение. И он решает испытать себя: хотя его тянет понюхать, как всегда, табак, сердце ноет по понюшке, он себе этого не позволит, пока не доберется до дерева. И на усталость не посмотрит, своего решения он не изменит. Еле передвигая ноги, раввин добирается до дерева. И таким утомленным он себя чувствует, и так хочется ему табачку понюхать – прямо свет не мил! Но, благодарение господу, наконец он уже сидит под деревом и дрожащими пальцами достает из-за пазухи лубяную табакерку. Вдруг за его спиной подуло, и табакерка выпала у него из рук. Хочет ее поднять, ветерок, что ли, налетел, табакерка катится все дальше и дальше. Катится табакерка, а раввин, растянувшись на земле, ползет за ней, ловит руками: понюшки табаку хочется...

Раввин ползет на четвереньках, а немец ухмыляется и знай свое – дует. Вдруг он хватается за дерево и в мгновение ока переносит на старое место. Так и не успел раввин поймать табакерку, а немец опять дует... Смотрит раввин: дерево далеко. По забывчивости, думает, не к тому дереву пошел. Поднимает глаза к небу: все в звездах!

Он даже заката не заметил... Такую власть имела над ним понюшка табаку... Правда, ночь была очень светлой. Раввину ясно, что он ушел слишком далеко, к наступлению субботы ему уже в местечко не вернуться. Ну и что ж, его будут кормить те же вороны, которые кормили Илью-пророка. Но поймать табакерку он должен...

И раввин все ползет на четвереньках. А немец дует, а табакерка катится... Не будем долго тянуть, раввин ушел намного дальше, чем это дозволено в субботу...

Чертеночек немедленно получил повышение по службе.

– О гору не спотыкаются... – объяснил он черной шатии. – Скорее мелкие страстишки заставят оступиться.

Омраченная суббота (перевод Л. Юдкевич)

<...>

Серл весьма учена. Она без запинки читает по-еврейски, чуть ли не наизусть знает «Тайч хумеш», «Кав-Хайошор», «Начала мудрости» и еще несколько подобных книг. О преисподней ей все точно известно, тут она как у себя дома. Она знает, в каком месте варят в горячей смоле, где жгут черным пламенем, где черти поджаривают грешные души, как цыплят на вертеле. Она знает все каноны потустороннего мира: за какие грехи вешают за язык, за какие швыряют между небом и землей, а орлы и вороны вырывают у грешника куски мяса; за какие грехи мечутся в чащобах, где хищные звери кусают за пятки; за какие провинности сдирают кожу, заворачивают в колючие тернии, да еще приказывают черпать воду посудой без дна... Счастье наше, что бог милосерд и долготерпелив, ничего не ждет он от нас, только покаяния.

Мирьям слушает все это, белая как мел, с бьющимся сердцем, с дрожащими губами.

Ее охватывает страх. Она знает, что человек грешен... Еще хуже он в те дни, когда женщина полна бесов, когда вокруг нее роями пляшут духи зла, когда женщина не смеет глянуть в зеркало, чтобы на нем не осталось пятна. Тогда дыхание ее нечисто, в одежде ее прячутся грешные души и всякие чудовища. Как боялась она в эти дни Зореха!

И прежде чем это к ней приходило, испуганная мать без конца расспрашивала: «Доченька, может быть, уже? Может быть, скрываешь, хочешь таким грехом погубить свои молодые годы?! Посмотри еще раз, может, все же есть!.. Может, ты была не очень внимательна?..»

– Мапочка, – спросила однажды Мирьям, – почему Зорех считает все это пустяком? Он даже смеется, когда я бросаю ему ключи.

– Нехорошо! Великий это грех! – ответила мать. – Но таковы уж мужчины... Да, с позволения сказать, разве они знают?.. И чего такому бояться? Прочитает наскоро

главу из Мишны, и ему сразу вычеркивается шесть страниц грехов. И когда у них, собственно, Судный день? Раз в году, в «грозные» дни. А бедные женщины, которые благодарят бога за то, что он «создал их по своей воле», ведь прямо как индюшки, – чуть что, на них уже падеж пошел. А посмотри-ка во время беременности или родов, тогда ведь, безусловно, жизнь их на волоске висит. Тут тебе уж настоящие «грозные» дни. И что, например, может нас спасти? «Тайч хумеш». Шутка ли сказать, человек не имеющий цицес! Только три благодеяния судил нам бог: халу, месячные и возжигание свечей. С халой еще так-сяк, можно справиться; с возжиганием свечей тоже: в пятницу к двенадцати кончают с приготовлениями к субботе. Но вот это самое, это самое! Разве тут уберешься?..

Стоит твоему взгляду, – продолжала мать, – упасть на то же место, где остановился его взгляд, твоему дыханию встретиться с его дыханием, – и все кончено. Лилис подхватит все это, помчится к престолу предвечного и раздует там целое дело. Тотчас начнут умирать роженицы, гибнуть младенцы...

А Мирьям чувствовала себя виновной перед богом за множество таких взглядов и дыханий. И каждый раз после такого греха она ночи не спала, боясь, как бы душа сама не вознеслась к небу и не записала этого там в книгу прегрешений.

<...>

Перевоплощения мелодии (пер. И. Гуревича)

<...>

В трех-четырёх верстах от Бердичева, сразу же за лесом, находится местечко Махновка; и была в этой Махновке недурная капелла музыкантов. А первый и главный среди них, реб Хаимл, был поистине чудо-музыкант – ученик бердичевского Педоцера. Этот самый реб Хаимл не создавал новых мелодий, то есть он не был композитором; но исполнить вещицу, придать ей вкус, растолковать, прямо-таки вложить вам ее в самое сердце – это он умел; в этом-то и крылась его сила!

<...>

Через несколько лет этот напев – очевидно, благодаря кому-то из киевлян – ожил в театре!

Что такое театр? Старые просветители верили, что театр лучше книги нравоучений, могущественней «Основ мудрости», да простится мне, что рядом помянул! Вы, вероятно, утверждаете, что театр это воплощенное непотребство...

По нашему мнению, все зависит от того, что играют в театре!

Было это уже в Варшаве...

Театр переполнен, набит битком. Начинает играть оркестр.

Что оркестр играет?

Суматоху, переполох играет – столпотворение! Это – «заупокойная молитва» Хаимла, но вместо волаха – бешеная сумятица; инструменты захлебываются, грохочут, захлестывают друг друга!

Рокот, стук, свист... Не гром гремит, не здания рушатся, а просто дикое неистовство звуков! То ли черти скользят по морю ледовитому, то ли тысячи свирепых зверей рвутся вон из ада? Дрожь пробирает весь театр!

Внезапно врывается бас! Он якобы гневается! Сердится. Но что же это? Какая фальшь! Все чувствуют, что он гневается не всерьез. И шалая флейта тут как тут, она, точно молния, зигзагами обегает весь оркестр и заливается настоящим бесовским смехом: ха-ха-ха! Хи-хи-хи! За ней вдогонку спешит кларнет. И чего только не вытворяет он, этот кларнет! И все он назло делает, явственно чувствуется злая нарочитость!

И только теперь выплывают три-четыре скрипки... И невыразимо сладко играют они, эти скрипки, невыразимо сладко, словно в них вселилось само вожделение, сам дьявол-искуситель, и уста его источают мед! И вкрадываются они, звуки скрипок, в сердца; они струятся легко, точно благовонное масло, и опьяняют, точно старое вино!

И все в театре воспламенены: рты раскрыты, глаза сверкают!

Тут-то и поднимается занавес, появляются «он» и «она» – «принц» с «принцессой», и они поют.

Они поют, и звучат накаленные пламенем слова, точно огненные змеи вылетают из их ртов! Ад пылает на их лицах; точно бесы прыгают они друг против друга! И эти объятия, эти лобзания, пение и прыжки становятся все стремительней и стремительней, их накал нарастает с каждым мгновением!

И этим пламенем уже охвачен весь театр, все ярусы – мужчины и женщины с разгоряченно-потными лицами и дико пылающими глазами... Словно огненный поток разбушевался!

И весь театр поет!

Разлилось море пылающей похоти – ад горит! Черти пляшут, ангелы-разрушители носятся в огненном хороводе...

Вот во что, с помощью киевлянина, обратилась послужившая Хаимлу заупокойной молитвой мелодия Педоцера для невесты-бесприданницы.

<...>

Холмский меламед (пер. Р. Рубиной)

Когда-то мир настолько погряз в грехах, рассказывает Шахне людям, столпившимся вокруг него в синагоге, что многие начали опасаться, как бы всемогущий в великом гневе своем, забыв данную им клятву, не открыл небесные врата и не обрушил на землю второй потоп, на этот раз без Ноя и без его ковчега. Словом, дошли до край-

ности, упаси господи! Даже скрытые праведники, представьте, перестали доверять себе, и все тридцать шесть праведников решили собраться на совещание в Браткове. Они сидели и думали семь дней и семь ночей. Некоторые уже склонялись к тому, чтобы объявить весь мир греховным – пусть придет мессия и... конец. Но один из них, простой еврей, водонос, запрямылся: нет и нет! Тут с неба донесся чей-то глас и появился архангел Гавриил, – видно, сам бог не возражал против объявления мира греховным. Но нашему водоносу все нипочем: такого греха он на душу не возьмет. Спорили долго, пока не сошлись на том, что надо разделаться со злым духом.

Скрытые праведники были обыкновенными бедными евреями – водоносами, сапожниками, дровосеками, каменотесами и все в этом роде. Только один из них незадолго перед тем получил богатое наследство от тети, умершей в Александрии, что в Египте. И вот на его деньги, пока золотой телец не успел еще совратить его, привезли из того же Египта евнуха.

Привезли, значит, евнуха и нарядили его цадиком: борода, пейсы, голая грудь, строченый кафтан, башмаки и белые чулки. «Попробуй одолей-ка этого цадика!» – стали подзадоривать злого духа праведники.

Злой дух, конечно, тут как тут, откуда ему было знать? Увидев еврея с бородой и пейсами, он расхохотался во все горло: ха-ха-ха! Большое дело склонить такого к греху!

Злому духу и в голову не приходило, что перед ним евнух. И вот он садится рядом, начинает балагурить, улещивать его, сыплет шутками и непристойностями. А евнух хоть бы улыбнулся, ведь он ни слова не понимает. Злой дух даже охрип. Первый раз ему с таким трудом дается цадик. Злой дух свистнул – и, не приведи господи, откуда взялось столько женщин: и важных, и простых, и молодух, и всяких других особ женского пола. Приближаются пара за парой, как «нечистые» птицы к Ноеву ковчегу. И одеты: кто в кринолине, кто без кринолина, одна вся закутана, и лицо даже закрыто, а другая – чуть не голая. И у каждой своя повадка: и смех, и слезы, и крик, и брань, но все их усилия – как об стену горох. Злой дух обливался потом, колотил бы весь день дрова, и то бы так не устал, а евнуху хоть бы что... Злой дух свистнул второй раз – и появилась сама Рохов-распутница – но евнуха ничем не проймешь, хоть лопни! «Последнее средство осталось, – подумал злой дух, – массаж! Уж я его потру!» Схватил он евнуха и ну его мять, гнуть, трясти, колотить – и все без толку! Злой дух так долго трудился впустую, что у него подкосились ноги и, засопев, как гусь, он упал замертво.

Того только и надо было тридцати шести праведникам. Они раздобыли тридцать мотков восьмикратно сплетенных цицес и связали ими злого духа; потом взяли у резника нож, зарезали искусителя, сунули к пекарю в печь и сожгли дотла. Пепел они собрали и, когда поднялась сильная буря, развеяли его на все четыре стороны.

На небе – ликование, на земле – счастье; жизнь как в раю. Прекратились войны между народами, перестали ссориться мужья и жены – кочерги и лопаты стали слу-

жить только для выпечки халы, цари распустили по домам солдат, а ружья подарили для забавы маленьким детям, пушки же отправили в деревню, пусть стоят пугалами на огородах. Никому тогда не возбранялось тыкать пальцами в эти пушки, смеяться, издеваться над ними сколько душе угодно. На земле наступили мир и благоденствие. Веселись, не тужи!

Все бы хорошо, да только свадебный балдахин как стоял в уголке в синагоге, так и оставался там, никому не нужный. Все мужчины превратились в отшельников, все женщины – в скромниц и недотрог: круглый год – не подходи! Раввины, канторы, служки, сваты и музыканты остались без дела: о помолвках, о свадебных пирах, о подвенечных платьях, о приданом и не вспоминают. Все только и делают, что молятся.

И мир призадумался: как же так? Никто не рождается, а умирают по-прежнему. Нелыханное дело! И действительно, бог знает, что было бы, если бы не холмский меламед!

Вот послушайте историю.

Еще до совещания тридцати шести праведников какой-то холмский меламед почувствовал, что его головой завладели греховные мысли. Пошел он в синагогу, но вот напасть: дьявол-искуситель за ним. К цадику поехал, что ж, дьявол-искуситель охотно сопровождает его. Отправился в микву, бездельник хоть и зажал нос, но не отстает. Увидел меламед, что дело плохо, что у него и учеников могут забрать, и решил скрыться в лесу, далеко-далеко от людей.

Семь лет провел он в щашобе, спал на голой земле, питался одними кореньями и все читал псалмы и Зогар. Он так отощал, что его можно было продеть в игльное ушко, и стал таким прозрачным, что его и не видно было. Просто в невидимку превратился, понимаете?

Тогда меламед решил вернуться обратно к людям. Ему казалось, что дьявол-искуситель расстался с ним навсегда и можно спокойно ехать домой. Но только он вышел из лесу, как подул ветер и поднялся страшный ураган. Именно в этот момент тридцать шесть праведников развеяли прах злого духа на все четыре стороны. И у меламеда, не про вас будь сказано, запорошило левый глаз. Вот так история! Левый глаз начал видеть такое, помилуй бог, весь мир обойдешь – не увидишь... От левого глаза заразился правый. Потом порча проникла в голову, а за ней и в сердце. Что тут долго говорить, холмский меламед оказался целиком во власти злого духа и когда вернулся к людям, то, можете не сомневаться, заразил весь мир.

Мой дед, да будет ему земля пухом, который рассказал мне эту историю, утверждал, что, не будь холмского меламеда, и нас бы на свете не было. И случись где-нибудь свадьба или родись ребенок, дедушка всегда приговаривал: «Тут не без холмского меламеда! О, холмский меламед сидит в каждом из нас!»

